

Б. К. ГИГИНЕЙШВИЛИ

**СРАВНИТЕЛЬНАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ И ВОПРОС
О ВАРИАБЕЛЬНОСТИ В ЯЗЫКЕ-ОСНОВЕ**

Исследовательская практика знает немало случаев, когда при сравнительной реконструкции морфем или слов формы сравниваемых языков не могут быть возведены к одной исходной форме языка-основы. Помехой является не недостаток материала или же нарушение закономерных звукосоответствий, а «перекрещение» двух формул звукосоответствий¹. В одной части языков устанавливаются соотношения, удовлетворяющие формуле *A*, на основе диахронической интерпретации которой постулируется исходная форма, содержащая фонему (**x*), в другой же части языков соотношение между формами подходит под формулу звукосоответствий *B*, на основе которой в составе исходной формы постулируется фонема /**y*/. Обычно фонемы /**x*/ и /**y*/ близки фонетически, но иногда они могут довольно ощутимо различаться. Не помогает в подобных случаях допущение языков-основ более позднего хронологического уровня, так как часто оказывается, что языки, удовлетворяющие одной и той же формуле звукосоответствий, после дробления языка-основы не были связаны общей традицией. Возьмем к примеру случай, приводимый Л. Блумфилдом.

Сравнение санскритских форм с кельтскими предполагает реконструкцию индоевропейских морфем инструментального и дательного-аблативного падежей в следующем виде: инстр. падеж. мн. числа *[-*bhis*], датив-аблатив мн. числа *[-*bhos*].

Сравнение германских и балто-славянских форм предполагает для тех же падежей следующие флексии: инстр. падеж мн. числа *[-*mis*], датив-аблатив мн. числа *[-*mos*].

Подобные расхождения не могут быть объяснены общими изменениями в истории германских и балто-славянских языков, так как не является возможным допущение балто-славянско-германской языковой общности². Между тем, праязык «рассматривается как язык, не знавший диалектного членения», и несовместимые формы, обнаруженные в нем, не могут быть определены как альтернанты или диалектные варианты³. «Сравнительный метод можно было бы применять с полным успехом только при условии монолитности и однородности праязыка, но наличие несовместимых форм (таких, как *[-*mis*] и *[-*bhis*] в индоевропейском языке) показывает нам, что такое предположение необоснованно», — пишет Л. Блумфилд⁴.

Если и принимать во внимание трудности, с которыми лингвист имеет дело при сравнительной реконструкции и в особенности — при анализе фактов вышеуказанного порядка, тем не менее утверждение Л. Блумфилд-

¹ Само собой разумеется, что речь идет о таких случаях, когда возможность комбинаторного объяснения форм исключена.

² Л. Б л у м ф и л д, Язык, М., 1968, стр. 347.

³ Там же,

⁴ Там же, стр. 350.

да требует пересмотра в связи с вопросом о вариабельности в языке-основе.

Не совсем ясно, почему Л. Блумфилд считает невозможным рассмотрение индоевропейских падежных морфем *[-mis] и *[-bhis], с одной стороны, и *[-mos] и *[-bhos], с другой, как сосуществующих в языке-основе дублетных форм. Общеизвестно, что как в живых, так и в мертвых языках могут иметься дублеты, т. е. морфемы или слова более или менее близкие по звучанию и идентичные по значению. К примеру можно привести варианты для слова со значением «закон» в древнегрузинском языке. Это слово зафиксировано в древнегрузинских рукописях в четырех формах: *sžuli*, *šžuli*, *ščuli* и *rčuli*, которые имели совершенно одинаковое значение⁵. В том же древнегрузинском имеются два варианта для слова «ноготь»: *prcxili* и *prčxili*. В современном грузинском разговорном языке варьируются существительные с анлаутным *m*- и без него: *devi/mdevi* «сказочный великан», *čadi/mčadi* «хлеб из кукурузы; чурек» и др.

Происхождение параллельных форм в одном языке в некоторых случаях может объясняться сохранением архаических форм рядом с новыми. Как известно, полному узаконению инноваций в языке предшествует период «колебаний», переходный этап, на котором допускается сосуществование «старых» и «новых» форм (иногда относящихся к разным стилям). «Всякое изменение первоначально относится к языковой синхронии: и старая, и новая разновидности сосуществуют в одно и то же время в одном и том же речевом коллективе как более архаичная и более модная соответственно, причем одна из них принадлежит к более развернутому, а другая — к более эллиптическому стилю, к двум взаимозаменяемым субкодам одного и того же кода»⁶.

Допущение наличия дублетов в языке-основе дает возможность, не нарушая его «монолитности», объяснить несовместимые с первого взгляда формы в исторически засвидетельствованных языках. Предполагается, что часть засвидетельствованных форм является продолжением одной дублетной формы языка-основы, остальная же часть — продолжением другой дублетной формы. Однако необходимо уточнить, что мы понимаем под «монолитностью» языка-основы и чем обусловлено наличие дублетных форм. Под «монолитностью» разумеется ареальная целостность языка-основы в смысле его нераздробленности на диалекты и говоры. Тем самым исключается возможность понимания под термином «дублеты» форм, засвидетельствованных в разных диалектах одного и того же языка. Дублетные формы могут относиться к разным стилям, наличие которых может быть обусловлено сосуществованием одновременных форм или же социальной стратификацией, но во всех случаях мы их рассматриваем, как принадлежность одного языка, одного диалекта, одного говора⁷. Такое понимание продиктовано тем обстоятельством, что исходя из диалектных вариантов, невозможно объяснить наличие «несовместимых» форм в языках, развившихся из этих диалектов, поскольку:

⁵ М. П. Д з и д з и ш в и л и, Фonetические процессы в древнегрузинском языке, Тбилиси, 1960, стр. 52—53 (на груз. яз.); И. В. И м н а и ш в и л и, Историческая хрестоматия грузинского языка, I, ч. II, Тбилиси, 1971, стр. 52 (на груз. яз.).

⁶ Р. Я к о б с о н, Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языкознание, «Новое в лингвистике», III, М., 1963, стр. 102.

⁷ Не совсем точным (с указанной точки зрения) кажется нам выделение двух типов вариантов — в и у т р и д и а л е к т н ы х и м е ж д и а л е к т н ы х, так как последние на самом деле не являются вариантами: они относятся к разным системам (см.: М. А. Ч е р к а с с к и й, Сингармонические варианты и параллелизмы в тюркских языках, ВЯ, 1960, 4).

1. Показание того или иного языка не характеризуется стабильностью: если в одном случае в языке А прослеживается продолжение одной из постулируемых дублетных форм, содержащей исконную фонему /*x/, то в другом случае в том же языке избирается другая дублетная форма, в составе которой имеем рефлекс исконной фонемы /*y/. Таким образом, варьирование исконных /*x/ и /*y/ в одном и том же языке в разных словах может отображаться по-разному.

2. При допущении в языке-основе диалектных вариантов невозможно объяснить, каким образом в таких языках, которые были связаны общей традицией и, стало быть, являются результатом дробления одного и того же диалекта языка-основы, встречаются расходящиеся формы, а в языках, выводимых из разных диалектов языка-основы, показания можно возвести к общему знаменателю. Таким образом, диалектное дробление несовместимо с постулированием дублетов.

Допущение дублетных форм (в принятом нами понимании) логически приводит к принятию возможности свободного варьирования фонем в некоторых словах языка-основы. Как видно из документированных фактов разных языков, допущение такой возможности вполне реально и может быть объяснено в основном как результат сохранения фактов разных хронологических уровней или же принадлежностью к различным сосуществующим подсистемам (ср. например, *город — град, золотой — золотой, подмастерья — подмастерьи, ноль — нуль*). Проникновение в литературный язык форм разговорного языка также способствует появлению дублетных форм. Одной из таких является грузинская форма аориста *šobes* «родили» рядом с нормальной *šves* в шатбердской рукописи X в.⁸ Первая форма, укоренившаяся в современном грузинском, должно быть, употреблялась уже в X в. в разговорной речи, откуда проникла в литературный язык. Мы не коснемся здесь рассмотрения других причин появления дублетов (таких, как одновременные заимствования и др.). Вернемся к дублетам языка-основы как средству объяснения «несовместимых» форм в сравниваемых языках.

Сравнительное изучение дагестанских языков выявило немало случаев, когда показания одних языков не находят поддержки в других языках, т. е. показания различных дагестанских языков относятся к разным формулам звукосоответствий. Единственным объяснением таких случаев является допущение дублетных форм в общедагестанском языке. Приводимый для иллюстрации материал поддается классификации. Выявлены следующие типы свободного варьирования согласных фонем в определенных морфемах языка-основы: 1) спирант ~ аффриката (одного и того же ряда), 2) интенсивный ~ неинтенсивный (одного ряда и одной серии), 3) свистящий ~ шипящий (одной и той же серии), 4) звонкий ~ глоттализированный (одного и того же ряда). Иногда варьируются также согласные разных рядов и серий.

Остановимся подробнее на четырех основных типах варьирования согласных фонем.

1. С п и р а н т ~ а ф ф р и к а т а. Общедаг. **bVsVw*/**bVcVw* «гора, холм»; /*s/ — гунз. *bizu* «холм»; /*c/ — ахв. *beča* «гора», уд. *burix* (←**bucrix*); нейтральны (т. е. пригодны для постулирования как *s, так и *c) показания следующих языков: анд. *besa*: аг. *su*: таб. *sew*: рут. *səw*: цах. *suwa*.

⁸ См.: З. А. Сарджвеладзе, Случаи нарушения согласования в числе имен, оформленных показателем множественности -n, с глаголом в древнегрузинском языке, «Мацне», 1961, 3, стр. 229 (на груз. яз.).

Общедаг. **mVxa/*mVqa* «ячмень»; */*x/* — ав. *miħ* «зерно»: лезг. *tox*: таб. *miħ*: аг. *miħ*; */*q/* — дарг. *miqi*: лак. *qa*: хин. *taqa*: уд. *mi* (←**miqi*); нейтрально показание арчинского языка (*maxa*).

Общедаг. корень **-s-/*-c-* «рассказать»; */*s/* — лак. *bu-s-an*: лезг. *we-s-i-wun* «завещать»; */*c/* — ав. *bi-c-ine*: ахв. *ma-č-un-ul^νa*: дид. *e-s-a*: хварш. *i-s-a*; нейтрально андийск. *bo-s-in-nu*.

Общедаг. **swVl-ka/*cwVl-ka* «лиса»; */*sw/* — ахв. *šari*: хварш. *zaru*: уд. *šul*: хин. *pšlā*; */*cw/* — ав. *cer*: лак. *cul-ča*; нейтральны показания: анд. *sor*: арч. *sol*: лезг. *si-k*: таб. *sol*: аг. *sul*: рут. *sil-k*: цах. *siwa* (в лезгинских языках в предударной части слова исконное */*c/* совпадает с исконным слабым спирантом */*s/*).

Общедаг. **swVn-lā/*cwVn-l^νa* «медведь»; */*sw/* — ахв. *šij*: дид. *zej*: дарг. *sin-ka*: уд. *šue*: хин. *psə*; */*cw/* — ав. *ci*: лак. *cu-ša*; нейтральны показания: анд. *seji*: лезг. *sew*: таб. *šwe'*: рут. *si*: цах. *sōj*.

Общедаг. **mVxVr/*mVqVr* «грудь»; */*x/* — ав. *meħed*: гунз. *γeru*: хин. *maxar*; */*q/* — дарг. *miqir*: лезг. *xur*; нейтральны показания: арч. *miħor*: таб. *miħūr*: аг. *miħūr*: рут. *maxār*: цах. *māxū*.

Общедаг. **l'ab/*l'ab* «три»; */*l'/* — дарг. *ħāb*: уд. *xib*; */*l^ν/* ахв. *l^νab* (в слове *l^νab-ilet_ε* «третий»); нейтральны показания остальных языков.

2. И н т е н с и в н ы й ~ н е и н т е н с и в н ы й: общедаг. **č₂Vn/*č₁Vn* «коза»; */*č₂/* — ав. *č₂e*: анд. *č₂ija*: ахв. *č₂ino-l^νə-i*: хварш. *can*: арч. *č₂ej*; */*c/* — лезг. *če-h*: таб. *či-h*: аг. *če-h*: рут. *či-h*: цах. *če'e*: уд. *vel* (←**čveĭ*); нейтральны показания: лак. *cu-ku*: хин. *col*.

Общедаг. **mVt_εVr/*mVt_ι'Vr* «сон», «сновидение»; */*t_ε/* — ав. *mat_εu*: ахв. *mite_ε*: дид. *mol'u*: дарг. *mu'ir* (урах.)/*mužir* (цудах.); */*t_ι'/* — арч. *miķir*: таб. *nivk*: аг. *imk*: рут. *naq*: цах. *nek*: хин. *miķā*; нейтрально показание лакского языка (*maķ*).

3. С в и с т я щ и й ~ ш и п я щ и й: Общедаг. **-VsVn/*-VšVn* «год»; */*s/* — дарг. *dus*: арч. *san*: лезг. *jis*: таб. *is*: рут. *sen*: цах. *sen*: уд. *usen*: хин. *ūs*; */*š/=* анд. *rešin*: лак. *šin*; нейтральны показания: ав. *son*: ахв. *reše*.

Общедаг. корень **-s-/*-š-* «взять», «купить»; */*s/* — хварш. *le-z-a*: дарг. *as-is*: лак. *la-s-un*; */*š/=* аг. *γu-š-as*: рут. *la-š-un*: цах. *ali-š-es*; нейтрально показание аварского (*bo-s-i-ze*).

4. З в о н к и й ~ г л о т т а л и з о в а н н ы й Общедаг. **mVž₃-Vr/*mVč₃Vr* «борода»; */*ž₃/* — лезг. *č₃uru*: таб. *mužir*: аг. *mužur*; */*č₃/* — дарг. *mučur*: лак. *čiri*: арч. *močor*: рут. *mičri*: цах. *mučru*: хин. *mičēš*.

Общедаг. корень **-d_ε-/*t_ε-* «любить», «хотеть»; */*d_ε/* — дарг. *i-g-is*: лак. *č₂-an* (←**k₂-an*); */*t_ε/* — арч. *t_εan(kes)*: лезг. *kan(x'un)*: таб. *k₂un(x'uz)*: аг. *k₂an(x'as)*: рут. *wə-g-ən*: цах. *ək₂an-as*: уд. *bu-^q-sun*: хин. *ju-k₂-uj*; нейтрально показание аварского (*bo-t_ε-i-ze*).

Остается рассмотреть еще один вопрос. Известно, что обычно из реконструированных праязыков прямо не выводятся исторически засвидетельствованные языки. Эта эволюция в большинстве случаев опосредствована звеньями, соединяющими исходный и конечный пункты развития. Такими звеньями бывают праязыки более или менее локализованных языковых подгрупп. Предполагается, что общедагестанский язык вначале распался на четыре единицы: аварско-андо-дидойский праязык, общелезгинский праязык, даргинский и лакский. Позднее две первые единицы распались на более мелкие подразделения. Если исходить из такой гипотезы, несколько странным покажется, что в языках одной и той же подгруппы — аварском и ахвахском — засвидетельствованы формы, предполагающие разные исходные величины. Ав. *ci* «медведь» является продолжением общедагестанской формы **cwVn-*, в то время как ахв. *šij* восходит к исходной форме

**swVn-*, т. е. «несовместимые» формы появляются еще на аварско-андо-дидойском хронологическом уровне. Объяснение может быть таким: варьирование между вышеуказанными формами общедагестанского языка продолжалось и после его распада, а именно в аварско-андо-дидойском и общезезгинском языках. После дробления этих более мелких языков-основ в части языков получила развитие одна из дублетных форм, в другой же части укоренились формы, являющиеся продолжением второй дублетной формы.

Таким образом, наличие фонетических дублетов приходится предполагать и на более поздних хронологических уровнях.
